

«ГИБРИДНАЯ ВОЙНА» ПОНЯТИЙ

О. Фридман

Кингс Колледж. Strand, London WC2R 2LS, Великобритания.

.....

Офер Фридман является бакалавром Еврейского университета и магистром Междисциплинарного центра в Греции, специализируется в вопросах военной истории и безопасности, борьбы с терроризмом и защитил PhD по политическим наукам (научный руководитель профессор Беатрис Хойзером) в университете Рединга, где читает лекции. Был приглашённым научным сотрудником и преподавателем Московского государственного института международных отношений (МГИМО) в 2014 г. Он руководит научно-исследовательским проектом в Кингс Колледже, посвящённом проблеме политизации понятия «гибридная война». В ходе очередного визита в Москву осенью 2016 г. для проведения сравнительного количественного анализа российских научных публикаций по военной тематике редакция «Вестника МГИМО-Университета» договорилась об интервью по вопросу гибридной войны, которое мы публикуем ниже.

.....

Ключевые слова: гибридная война, военная стратегия, военная культура, асимметричные конфликты.

■ Исследовательские статьи

Вестник МГИМО (В.М.) *Гибридные войны по-разному понимают на концептуальном уровне в России и на Западе. Так ли это и в чём заключается эта разница?*

Офер Фридман (О.Ф.) Терминология гибридной войны появилась в начале 2000-х гг. в американской армии. Изначально она была недооценена, пока её не подхватил военный теоретик Франк Хоффман [7]. В 2005–2006 гг. и особенно в 2007–2008 гг. после Второй Ливанской войны в Израиле, которая практически сразу стала горячей темой в американской армии. Теория гибридной войны, как она представлялась Франку Хоффману и американскому военному сообществу, описывала одновременное сочетание технологий симметричных и асимметричных войн, тактики конвенционального и неконвенционального ведения боя, одновременное участие профессиональных солдат и ополченцев. Всё это присутствовало на поле боя как одна вражеская масса, которая одновременно использовала самодельные взрывные устройства и запускала беспилотники. Вооруженный конфликт в такой ситуации и был назван гибридной войной.

По определению Хоффмана, гибридная война – это сочетание регулярных и нерегулярных войск и средств ведения вооруженного конфликта на одном театре военных действий. Эта теория подверглась большой критике со стороны историков, которые утверждали, что нет ничего нового в сочетании регулярных и нерегулярных войск, воюющих плечо к плечу, против единого противника. Аргумент Хоффмана заключался в том, что во время Американской революции, Наполеоновских войн, Второй мировой войны, и других исторических примеров, регулярные и нерегулярные войска находились под общим управлением, но территориально они воевали отдельно друг от друга. А сейчас они воюют вместе, на одном театре сражений.

Кроме того, сильно изменились технологии. Если во время Американской революции регулярной армии и партизанам были доступны примерно одинаковые технологии, то сегодня технологические уровни регулярной армии и ополченцев сильно отличаются. По утверждению Хоффмана, гибриды таких технологий, тактик и методов ведения борьбы создаёт совершенно новые угрозы, с которыми обычной регулярной армии очень сложно воевать.

В.М. *Приводит ли это к изменению стратегии?*

О.Ф. Это должно привести к изменению всей стратегии, тактики, оперативного дела, но этого не происходит. Сегодня есть богатый опыт войны с регулярной армией, а также есть опыт, в основном не очень успешный, ведения борьбы с ополченцами. Воюя с ними по отдельности, большинство современных армий может в этом более или менее преуспеть, но когда вместе – возникают проблемы.

Хоффман анализирует израильский опыт в Ливане в 2006 г. Из более современ-

ных случаев гибридной войны можно упомянуть ИГ (террористическая организация, запрещена в России – Ред.). С одной стороны, они используют самодельные взрывные устройства, с другой – у них есть самые современные виды вооружения. С одной стороны, они ополченцы, с другой – профессиональные наёмники. С одной стороны, они переговариваются по «уоки-токи», с другой – ведут успешную информационную борьбу в Интернете и в информационном пространстве вообще.

Теория «гибридной войны» начала приживаться в американской армии, но до сих пор не была официально принята на вооружение, хотя есть определённые официальные документы, которые упоминают её. Ведётся очень большая дискуссия внутри военных кругов по этому поводу. В словаре военных терминов Министерства обороны США вы не увидите понятие «гибридная война». Несмотря на это, дискуссия продолжалась и концептуализация гибридной войны, одобренная официально или нет, оставалась верна определению, данному Хоффманом, по крайней мере до украинского кризиса, который начался в 2014 г.

Тогда произошло две вещи – первая на Западе, вторая в России. После начала украинского кризиса, на Западе началось то, что они называют реконцептуализацией терминологии гибридной войны. Причём эта «реконцептуализация» родилась не в военных кругах, а в среде политологов и политических аналитиков из стран Восточной Европы, Балтии, Скандинавии и Великобритании. Германия и Франция в этом не участвуют, также как практически не задействованы и США.

Реконцептуализация терминологии гибридной войны произошла в контексте действий России во время конфликта на Украине. В понятие гибридной войны включили весь спектр военных и невоенных действий – ведение открытых боевых действий, спецопераций, кибервойны, информационной войны, финансово-экономической войны, политического противостояния и т.д. Начались обвинения в адрес России в ведении гибридной войны на Украине – сначала в случае с Крымом, потом Донбасс. Причём политизация терминологии велась не военным, а политическим сообществом: в этом направлении работали исследовательские центры в Польше, странах Балтии, Швеции, Финляндии, Норвегии, и Великобритании. В американских же институтах было довольно ограниченное количество публикаций в этом ключе.

В российском дискурсе, до украинских событий, интерес к гибридной войне ограничивался наблюдением и обсуждением того, что происходит на Западе. В основном это было интересно профессиональным военным и военно-академическому сообществу, которые обсуждали как западные специалисты теоре-

тизируют по поводу войн XXI в. При этом в России одновременно разрабатывались свои концепции современных конфликтов.

Суммируя тематику использования военных и невоенных средств в военном и политическом дискурсе в России, можно вспомнить три идеи, которые существовали в 2000-х гг. Это было возрождение идей Евгения Месснера о мятежной войне, появление «сетевидной войны» Александра Дугина, и разработка теории информационных войн, которую разрабатывали Игорь Панарин и ряд других специалистов [1; 4; 5]. Хотя эти три направления развивались довольно независимо, концептуально они имели много общего, так как обсуждали приблизительно одну и ту же идею – подрыв политической легитимности противника изнутри.

После того как Запад начал обвинять Россию в ведении гибридной войны на Украине, в России решили разобраться, что же такое гибридная война. Было организовано несколько крупных семинаров и конференций – в МГУ, Военном университете, Финансовом университете. Было несколько круглых столов с участием как академических, так и военных специалистов. Профессор Цыганков из МГУ заявил: «Нас обвиняют западные партнёры в том, что мы якобы ведём гибридную войну, так давайте поймём, о чем вообще идёт речь» [6].

Интересно то, что в концептуализации гибридной войны в России, произошёл «перелив старого вина в новые бутылки» – просто перефразировали три вышеупомянутых теории. В принципе они подразумевали одну и ту же идею – подрыв легитимности власти противника как политическую цель войны. При этом она достигается невоенным способом – с помощью влияния на элиты и на общественное мнение подрывается легитимность существующего режима, а когда режим рушится, на его место ставят марионеточное правительство, которое в свою очередь разрушает военную и экономическую мощь государства.

К примеру, профессор Панарин просто ставит равенство между гибридной и информационной войной [3]. Когда слушаешь или читаешь специалистов с военным уклоном, которые больше знакомы с трудами Месснера, то они дают определение гибридных войн по Месснеру: иерархия целей гибридной войны/мятежной войны – разрушить сначала культурные ценности, затем духовные, и наконец материальные. Когда читаешь дальше и пытаешься понять, как это происходит, то тут существует смешение понятий между теориями сетевидных и информационных войн.

Были попытки ввести эту терминологию в официальные документы, но российские военные этому сопротивляются. Поэтому дискурс остаётся на уровне экспертов.

Интересно, что в России, сама идея того, что война может быть не только вооружённым конфликтом, но и иметь не силовые формы, яв-

ляется более приемлемой с историко-философской точки зрения, чем на Западе. На Западе войну понимают инструментально. В России же напротив, Леер, Свечин, Головин, Меснер, Гареев – все они говорили, что война это не только ведение военных действий, но и определённая совокупность экономических, финансовых, культурных составляющих. В учебнике по стратегии XIX в., изданном Николаевской академией, война – это борьба культур [2]. В России идея о том, что воевать можно совокупностью военных и невоенных средств (или гибридно) нашла благодатную почву.

В.М. *Но родилась-то она Западе!*

О.Ф. Теория родилась из трудов Месснера и теорий сетевидных и информационных войн. То, что родилось в России, не имеет никакого отношения к Хоффману, и имеет опосредованное отношение к тому, как эта теория была реконцептуализирована на Западе после 2014 г. Это исключительно российская идея. Анализируя как западное, так и российское понимание гибридной войны, я могу сказать, что в России эта теория более проработана, чем на Западе, так как она опирается на более широкую философско-теоретическую базу, которой не хватает на Западе из-за инструментального отношения к войне.

В.М. *А разве «Столкновение цивилизаций» Хантингтона не указывает на наличие такой же традиции и на Западе?*

О.Ф. Хантингтон не был военным человеком. Это, во-первых. Во-вторых, его книга вызвала большую волну критики и непонимания. Сначала все поверили в конец истории Фукуямы, а дальше поняли, что скорее всего будет столкновение цивилизаций по Хантингтону.

Я бы вернулся к понятию «война». Мода на военную семантику в международных отношениях объясняет, почему военные организации, как в России, так и на Западе, очень сопротивляются принятию на вооружение таких терминов, как «гибридная война» или «информационная война». Военные могут говорить об «информационном конфликте», «борьбе», но «информационную войну» не хотят принимать, поскольку война для военных подразумевает ведение боевых действий, включая частичную или общую мобилизацию как людей, так и экономики. Чтобы вести успешные боевые действия, нужна военная стратегия. Она предполагает различные экономические, финансовые, пропагандистские, информационные действия для того, чтобы достичь цели войны.

В западной литературе присутствует термин «*grand strategy*», который объединяет все стратегии. *Grand strategy* должна управлять военной стратегией, экономической стратегией, информационной стратегией, финансовой стратегией, и т.д. Военная стратегия имеет отношение к экономической стратегии: если страна хочет достичь определённой политической цели, то она может использовать военную стра-

■ Исследовательские статьи

тегию, под которую будут выделены определённые экономические средства. Альтернативно, она также может использовать исключительно экономическую стратегию для достижения политических целей, например объявив санкции. Но важно помнить, что объявление санкций или ведение какого-либо культурно-информационного противоборства обычно не имеет отношения к военным действиям, и поэтому называть это войной проблематично.

Термин «война» широко распространился сегодня в исследованиях по международным отношениям, каких только войн у нас сейчас нет: гибридные, экономические, информационные, и даже политические, законодательные и экологические. По моему мнению это связано с тем, что большое количество военных генералов, ушедших на пенсию, начали писать книжки. Причём это происходит повсеместно. И, соответственно, они начали вводить свою военную терминологию в международные отношения. Возьмем ту же «*grand strategy*», ведение военных действий и то, чем должны заниматься военные, всего лишь маленькая часть этой стратегии. А сколько книжек Вы знаете, которые были написаны экономистами не про экономическую стратегию, а про *grand strategy*? Я не знаю ни одной. Все книги о *grand strategy* пишут военные.

В.М. *Правильно ли я понимаю, что вопросы «Столкновения цивилизаций» находятся на уровне grand strategy, а не на уровне военной стратегии?*

О.Ф. Да. Я бы сказал так, но в этом и заключается проблема. На Западе исторически существует проблема соединения стратегии и политики. Самый хороший пример – учебник стратегии 1936 г., где говорится, что стратегия и политика – две совершенно разные вещи [9]. С тех пор учебники поменяли, но к сожалению, соединять стратегию и политику так и не научились. И это очень проблематично, поскольку стратегия служит какой-то политической цели и, если убрать политику, то стратегия начинает терять свой смысл. Если мы возьмём все американские войны после Второй мировой войны и по настоящее время, они во всех войнах в военном смысле слова победили, но проиграли в политическом, поскольку достижение победы зависит не от армии. Я всегда говорю: «Армия не побеждает, а воюет. Побеждают политики». А если между ними нет координации, то они всегда проигрывают.

Можно победить на поле боя, можно завоевать Ирак или Афганистан, можно разбомбить Тунис, ну а дальше что? Даже во Вьетнаме, американцы с военной точки зрения делали, что хотели, достигали любой военной цели, а войну в конечном итоге проиграли.

В России связь между политикой и стратегией существует, поскольку война, как философско-историческое явление, подразумевает больше борьбу не за ресурсы, а борьбу

культур. Причём существует понимание того, что культура может быть атакована не только военными средствами – так как борьба может вестись как военными, так и невоенными средствами. Давайте только не будем называть это войной. Это часть международных отношений. Когда страны не воюют, у них могут быть благоприятные международные отношения или конфликтные международные отношения; они могут любить друг друга, быть союзниками или врагами – но быть врагами это не обязательно воевать. Это можно называть по-разному. Причём страны могут всячески вредить другим странам, с которыми они не воюют, и это не стоит называть войной. Они просто пытаются достичь определённых целей в международных отношениях. Это может происходить мирно, а может силовыми методами. Причём силовые методы необязательно означают военные действия. Можно ввести санкции, можно как-то попытаться повлиять на общественное мнение внутри страны или на международном уровне. Но главное, что это не война. Военная семантика начинает преобладать в международных отношениях и мы перестаём понимать, о чём вообще идет речь. Да, на определённых этапах отдельные страны недолюбливали друг друга, а вернее – пытались всячески навредить друг другу для того, чтобы достичь определённых целей. Можно достигать эти цели с помощью мирного сотрудничества, войны или другими методами, попадающими в категорию «ни война, ни мир».

В.М. *Является ли гибридная война чем-то новым или хорошо забытое старое?*

О.Ф. Я Вам приведу пример – Американская революция. Когда началась революция, между Британией и Францией официально был мир, но поскольку американцы восстали против британской короны, а французы хотели ослабить своего традиционного противника, Великобританию, то они, несмотря на мирное соглашение, решили поддержать американцев. Французы тайно предоставляли американским повстанцам финансовую помощь, вооружение, обучение и прочее в течение пяти лет. И только когда Великобритания начала проигрывать, и Франция не почувствовала себя достаточно уверенной, то Париж объявил войны Лондону.

На концептуальном уровне есть страны, которые не дружат, но и не воюют, пытаются при этом все равно достичь определённых политических целей. И это было всегда. Изменились технологии, но я бы не сказал, что воевать, не воюя, стало легче или сложнее сегодня. Если возьмём XVIII – XIX вв., то для того, чтобы свергнуть корону в определённой стране, нужно было 3-4 аристократа, которые поддержали бы переворот. Найти этих 3-4, заплатить им, или как-то иначе привлечь их на свою сторону было сложно, поскольку мы говорим о людях, у которых были свои убеждения, которые нуж-

но было бы изменить. И большое количество неудавшихся переворотов тому свидетельство.

Когда мы начинаем изучать историю различных удавшихся и неудавшихся переворотов и революций, мы понимаем, что все эти перевороты начинались (в России, в Англии, Франции и так далее), когда для заговорщиков была понятна структура международных отношений и они заручались активной или пассивной поддержкой стран заинтересованных в смене режима. При появлении массовых информационных технологий в XX в. стало легче довести революционные идеи до масс, но это не означает что увлечь их революцией стало легче. Однако это так же это не означает что роль элит уменьшилась. Легитимную власть по-прежнему можно подорвать с помощью элит, но для этого все равно нужны революционные массы. Без масс не получится. Да у нас есть сегодня новые технологии, но сама идея поддержки оппозиции в лагере врага для того что бы ослабить его политическую легитимацию берёт начало ещё от Римской империи. В самой идее ничего нового я не вижу.

В.М. Таким образом Вы скорее разделяете точку зрения военных?

О.Ф. Да. Они говорят политикам: «Давайте не будем смешивать понятия». Пока вы не воюете и не миритесь, это ваши проблемы – политиков, дипломатов. Это очень серьёзные проблемы, но мы к ним не имеем никакого отношения. Если будет поставлена задача, мы можем принять определённые меры: мы можем организовать учения, провести мобилизацию, для того чтобы дать вам какие-то рычаги в международных отношениях, с политической точки зрения. Но пока вы нам не приказали завоевать какую либо территорию, оставьте нас в покое. Завоевывать территории – это война, а всё остальное – это ни война, ни мир. Это поле дипломатов, политиков. Не надо смешивать терминологию, поскольку тогда политики и военные перестают понимать друг друга. Армия достаточно закрытое профессиональное сообщество. У каждой организации есть свой определённый жаргон, терминология, которой она пользуется. В нашем случае военным жаргоном начинают пользоваться политологи, политики и дипломаты. Так и появилась «гибридная война», которая на самом деле описывает феномен давно существующий.

В.М. Над чем Вы сейчас работаете?

О.Ф. Провожу исследование под названием «Сравнительный количественный анализ военных публикаций»

В.М. В чём заключается Ваш исследовательский вопрос?

О.Ф. Исследовательский вопрос заключается в следующем: на данный момент культура каждой военной организации довольно хорошо исследована. Например, были найдены определённые нарративы, которые предлагают что российская военная культура, в отличие от западной, больше настроена на коллективизм, чем на индивидуализм. Или что американская

армия более технологична, а в России больше почитается мысль, хитроумный план. До сих пор все эти исследования основывались на применении качественного анализа, а я хочу применить количественную методологию, анализируя статьи из российских научных журналов по военной проблематике, и сравнивая их с американскими публикациями. В научной литературе уже были примеры, когда с помощью количественного анализа публикаций, исследовали менталитет организаций.

В.М. Не менталитет авторов, а именно менталитет организаций?

О.Ф. Да. Я анализирую различные издания за последние 20 лет, соответственно у меня получается база данных, состоящая из более чем 1200 статей в каждом кейсе. Проанализировать о чём пишут конкретно в каждой статье, просто невозможно, да и ненужно. Мне важны статистические данные, которые укажут на тенденции. Например, как часто пишут о стратегии, какую роль играет военная история, насколько интенсивно занимаются разными технологическими аспектами, и так далее.

В.М. Предположим, что в результате исследования Вы сможете доказать, что действительно российская военная культура коллективистская, а западная военная культура – индивидуалистская? Что это нам даёт? В чём ценность этого результата?

О.Ф. Это набор разных качеств, с помощью которых можно предполагать и объяснять различные аспекты поведения той или иной военной организации. Например, существующий анализ предполагает, что российская армия и её военная культура исторически не полагаются на технологические решения. Не то, чтобы российская армия считает технологию неважной, она важна, но самое главное это не танк, а человек, который в танке, а также то, чему его научили и какой доктрине он следует. Поэтому, если например, российские танки проигрывают иностранным, то при анализе причин этих неудач в России сначала будут анализировать особенности применения танка, а не его технические характеристики. А американцы, напротив, подразумевают, что с человеком и доктриной всё в порядке, в неудаче виновата в первую очередь техника. Если танки проигрывают, нужно менять не людей, а танки. Из этого можно делать совершенно неожиданные выводы, скажем, в отношении величины военно-индустриального комплекса США. Если каждый день менять технологию танков, при том что предыдущая версия была уже лучшей в мире, военно-индустриальный комплекс будет чрезмерно раздут.

В.М. Какую книжку Вы прочитали в последнее время, которая Вас поразила, вдохновила в Вашей профессиональной сфере?

О.Ф. Иан Морисс «Война. Зачем она нужна? Конфликт и развитие цивилизации от приматов до роботов» [8].

■ Исследовательские статьи

В.М. *И какая Вам там идея понравилась?*

О.Ф. Он анализирует историю войн с начала человечества и до наших дней, пытается понять как, зачем, почему мы воюем и что мы от этого имеем. В процессе анализа он развивает несколько очень интересных идей. Одна из них – это его деление всех войн на продуктивные и непродуктивные.

Продуктивная война – это та война, в конце которой победитель «поглощает» (или более правильно сказать интегрирует насильственным методом) побеждённого, увеличивая как своё процветание, экономическую, военную и политическую мощь, но и процветание бывшего противника. В определённый момент войны перестают быть продуктивными и становятся непродуктивными, то есть такими, в конце которых страна не интегрирует противника и его территорию, экономику, культуру. Моррис приводит несколько исторических примеров. Пока Римская империя воевала внутри Средиземноморского бассейна, это были продуктивные войны, которые привели Рим к созданию одной из самых больших и мощных империй в истории человечества. Когда же они начали воевать с варварами, то война стала непродуктивной поскольку в конечном итоге было нечего «поглощать» (интегрировать). Усилия, вложенные Римом на ведение этих войн, значительно превышали экономическую, политическую и военную отдачу от завоеванных территорий. Именно тогда Римская империя начала разваливаться.

Когда страна начинает вести непродуктивные войны, она разваливается, причем

всем вокруг, включая обычных граждан, жить становится намного хуже. После развала Римской Империи мы получили тысячелетний хаос Средневековья. То же самое произошло и с Ханьской империей в Китае.

После Средних веков на протяжении ещё тысячи лет, чуть меньше, приблизительно с XVII в. велась новая серия продуктивных войн, которая продлилась вплоть до Второй мировой войны. Несмотря на огромное количество жертв, Вторая мировая война была продуктивной, поскольку весь земной шар разделился на две империи. В каждой империи были свои законы, был порядок и процветание. А дальше началась холодная война, которая была довольно непродуктивной и в результате которой одна из империй развалилась, а вторая не пожелала её «поглотить»/интегрировать.

Все войны которые велись после Второй мировой, как Западом, так и СССР, были непродуктивны поскольку не привели к интеграционным процессам. Даже после окончания холодной войны, Запад продолжает вести исключительно непродуктивные войны: Ирак, Афганистан, Ливия (подобно Римской Империи с варварами в Европе).

Возможны ли продуктивные войны сегодня? Не знаю, но если следовать логике Иана Морриса, то прогноз получается не очень позитивный, поскольку тогда мы идем по стопам больших империй прошлого, повторяя их ошибки, и если мы не опомнимся, то довольно скоро у нас наступит второе Средневековье.

В.М. *Спасибо огромное за Ваши ответы!*

Список литературы

1. Дугин А.Г. Геополитика Постмодерна. Санкт Петербург: Амфора, 2007. 384 с.
2. Измestьев П.И. Конспект стратегии. Сост. офицерами ст. кл. Николаев. акад. Ген. штаба, поручиками: Измestьевым и Месснером, Вып. 1. Санкт-Петербург: Типо-лит. А.Е. Ландау, 1899.
3. Панарин И. Н. Гибридная война против России, 1816-2016 гг. М.: Горячая Линия Телеком, 2016. 221 с.
4. Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006. 560 с.
5. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. Под ред. А.Е. Савинкина. М.: Военный Университет, Русский Путь, 2005. 696 с.
6. Цыганков П.А. «Гибридные Войны»: Понятие, Интерпретации и Реальность // Гибридные Войны” в Хаотизирующемся Мире XXI века. Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Издательство Московского Университета, 2015. С. 32-42.
7. Hoffman F. Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars. Arlington, VA : Potomac Institute for Policy Studies, 2007. 72 p.
8. Morris I. War-What Is It Good For? Conflict and the Progress of Civilization from Primates to Robots. London: Profile Books, 2014. 512 p.
9. The Command and General Staff School, Principles of Strategy for an Independent Corps or Army in a Theater Of Operations. Fort Leavenworth, KS: The Command and General Staff School Press, 1936. 70 p.

Об авторе

Офер Фридман – исследователь Департамента военных исследований Кингс Колледжа (Лондон).
E-mail: ofer.fridman@kcl.ac.uk.

«HYBRID WAR» OF NOTIONS

O. Fridman

King's College. London, WC2R 2LS, UK.

Abstract: Ofer Fridman holds the degrees of BA (Military History and Security Studies) from Hebrew University, MA (Counter-Terror and Homeland Security) from Interdisciplinary Center Herzliya and PhD (Political Science, supervised by Prof. Beatrice Heuser) from University of Reading. He is a Sessional Lecturer at the University of Reading and was a Visiting Research Fellow and Visiting Lecturer at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) in 2014. Ofer joined the War Studies Department at King's to conduct a research project that focuses on the politicisation of 'Hybrid Warfare'. During his visit of Moscow to conduct a quantitative research of Russian military research publications "MGIMO Review of International Relations" took the following interview from him.

Key words: hybrid warfare, military strategy, military culture. asymmetric conflicts.

References

1. Dugin A.G. *Geopolitika Postmoderna* [Postmodern Geopolitics]. Sankt Peterburg: Amfora, 2007. 384 p.
2. Izmest'ev P.I. *Konspekt strategii* [Abstract of strategy] Ed by Izmest'ev, Messner, Issue 1. Sankt-Peterburg: Tipo-lit. A.E. Landau, 1899.
3. Panarin I. N. *Gibridnaia voina protiv Rossii, 1816-2016 gg.* [Hybrid war against Russia, 1816-2016]. Moskva: M.: Goriachaia Linia Telekom, 2016. 221 p.
4. Panarin I.N. *Informatsionnaia voina i geopolitika* [Information warfare and geopolitics]. Moscow: Pokolenie, 2006. 560 p.
5. *Khochesh' mira, pobedi miatezhevoinu! Tvorcheskoe nasledie E.E. Messnera* [If you want peace, win myatezh-war! The intellectual heritage of E.E. Messner]. Ed by A.E. Savinkina. M.: Voennyi Universitet, Russkii Put', 2005. 596 p.
6. Tsygankov P.A. «Gibridnye Voiny»: Poniatie, Interpretatsii i Real'nost' [Hybrid Wars": The concept, Interpretation and Reality] in *Gibridnye Voiny" v Khaotiziruiushchemsya Mire XXI veka* [Hybrid Wars "be randomized in the world of the 21st century]. Ed by P.A. Cygankova. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 2005. 32-42 pp.
7. Hoffman F. *Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars*. Arlington, VA : Potomac Institute for Policy Studies, 2007. 72 p.
8. Morris I. *War-What Is It Good For? Conflict and the Progress of Civilization from Primates to Robots*. London: Profile Books, 2014. 512 p.
9. *The Command and General Staff School, Principles of Strategy for an Independent Corps or Army in a Theater Of Operations*. Fort Leavenworth, KS: The Command and General Staff School Press, 1936. 70 p.

About the author

Ofer Fridman – Visting Research Fellow at War Studies Department of London King's College.
E-mail: ofer.fridman@kcl.ac.uk.